

Левидов Михаил Юльевич

**Человек и кино. Эстетико-
социологический этюд**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Юльевич Л.**
Человек и кино. Эстетико-социологический этюд / Левидов Михаил Юльевич –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 116 с.

ISBN 978-5-519-92788-8

Социология. Социальные институты. Социология духовного развития общества. Социология литературы и искусства

ISBN 978-5-519-92788-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Тема моя — четко отграничена заглавием этой брошюры. Я хочу установить то место, какое занимает кино в жизненном опыте современного человека — человека капиталистической культуры, и нашей советской культуры; установить смысл и значение этого места.

Я не являюсь специалистом в кино, я не обладаю специальными знаниями в этом деле, я не кино-режиссер, не кино-оператор, не кино-актер, лишь поверхностно знаком я с основными законами (техническими) кино-дела, я не могу даже свободно распоряжаться специфическими терминами кино — вроде „наплыв“, „диафрагма“, „каше“. Я только кино-зритель. Но не раз приходилось мне задумываться: почему, в сущности говоря, так нравится мне кино? и тут же естественно всплывал другой, колоссального объема вопрос: почему, в сущности говоря, так нравится кино еще миллионам, и десяткам миллионов, и сотням миллионов людей —

представителям всех существующих на земле рас и национальностей, членам всех наблюдающихся в обществе классов группировок и подразделений?

И только я начал задумываться на эту тему,— как с непреложной ясностью представилось мне рискованное на первый взгляд положение.

Каковы основные, первичные проблемы, с коими сталкиваются массы человечества?

Их очень немного: проблема борьбы за существование—голода и сытости—в оголенной ее форме; проблема продолжения рода—или любви, и проблема смерти ¹⁾. Все? Нет, еще одна: проблема развлечения—пусть простится этот по необходимости неточный термин.

Социальная психология и история культуры знают, что проблема развлечения разрешается путем воспроизведения—„театрализации“—в жесте, в звуке, в устном и писанном слове—вот этих трех первичных проблем. И по социально-смысловому своему значению идентичны с этой точки зрения—пляски дикарей и классический балет, мелодия пастушеской дудки и музыка Скрябина, готтентотская сказка и романы Толстого, рисунки каменного века и живопись Врубеля; это все одинаковые, по су-

¹⁾ Проблема классовой борьбы является, конечно, реализацией в каждый данный исторический период—проблемы борьбы за существование.

ществу своему, попытки разрешения все той же вечной проблемы.

История этих попыток,—а она идет по линии истории человеческой культуры—учит нас: чем сложнее технические средства, прилагаемые к разрешению этой проблемы, тем лучше, т.-е. полнее, ценнее она решается, но чем лучше она решается, тем меньшим слоям человечества это решение доступно. Тут существует ясно выраженная обратная пропорция. Искусство—лучшая форма разрешения проблемы развлечения, в каких бы то ни было его видах—ведь оно же наименее доступно человеческим массам, потому что оно пользуется наиболее сложными техническими средствами (я имею в виду выбор лучшего материала и лучший способ его обработки).

Так было. Но так было до появления кино. Кино разрешило проблему развлечения для всего человечества—во-первых. И кино разрешило проблему развлечения для всего человечества, применяя наиболее сложные технические средства и методы—во-вторых. Произошла революция.

Но впрочем—я уже вышел за пределы „предварительных замечаний“.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
У Н И Х

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВООБЩЕ О КИНО...

„Зрение больше всего поражает наше воображение, ибо зрение является самым острым из наших чувств, хотя оно и не способно отмечать мудрость“.

П л а т о н

I

В начале 17 века Галилеем был изобретен телескоп, в конце 19 века бр. Люмьер был изобретен кинематограф. Телескоп приблизил небо к земле, кино приблизило землю к людям. И в буквальном смысле слова: лишь с появлением кино—люди, обыкновенные люди стали путешествовать по земле так, как астрономы путешествуют по небу. Но и больше, чем в буквальном смысле слова. Кино приблизило к человеку все, что на земле, и в первую очередь—самого человека на земле со всем багажом его материальным и духовным. Кино—

это не зеркало жизни; ставший классическим этот образ—самозванец. Кино—телескоп жизни, ибо оно не отражает, а приближает жизнь, соответственно ее изменяя, как изменяет телескоп астронома звезду.

Приближать жизнь, видоизменяя ее—такова ведь имманентная цель искусства, если не гнаться за особой точностью определений. И снова вспоминается астрономия. Ибо до изобретения кино,—астрономией, а может быть и астрологией было искусство, понимая его в объеме приведенной формулы. Астрономией,—поскольку оно было доступно наблюдению немногих, поскольку в его жизни и в его судьбах участвовали не массы—только единицы.

Нептун — большая планета — Толстой звездного неба, но сколько людей невооруженным глазом могут найти Нептун на небе, определить его значение?

Ничтожная горстка.

Толстой — большой писатель — Нептун литературы, но сколько людей—не вооруженных „культурой“—знают Толстого и понимают его значение?

Ничтожная горстка.

Так не будем пугаться странных, на первый, близорукий взгляд, сближений. Значение Толстого в искусстве также чуждо массам человечества, как и значение Нептуна в астрономии. Но сделаем дальнейший шаг—и спросим: а роль искусства в жизни человеческих масс (в капиталистическом

обществе) многим ли значительнее роли астрономии? Кажется мне—что немногим.

И пусть не говорят: как же, искусство... существует ведь тысячелетия... вечно, как человек... великая его роль... формирует умы и души... метод познания жизни...

Это все так. Можно было бы прибавить к этим еще тысячи подобных, и более звучных фраз. Но что из того? Миллион подобных фраз—это только миллион аберраций. О, как привычна эта аберрация насчет роли искусства, как нормально это заблуждение, как естественно думается в сочетании с такими именами, как Толстой, Гете, Шекспир, Моцарт, Бехтовен и Вагнер, Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи, Сальвини, Карузо и Шаляпин—о человеческих массах, о миллионных аудиториях. Но немножко хладнокровия—и мы поймем чудовищную аберрацию. Очень груб цифровой метод, но кто усомнится в его убедительности?.. Так какой процент—не всего человечества, зачем—только населения Англии—читали Шекспира? Английская статистика говорит о приблизительных пяти-шести процентах. Что же сказать о Толстом в дореволюционной России? Придется, пожалуй, прибегнуть к десятым долям процента. Мне вспоминается, что незадолго до революции в Ленинграде торжественно праздновался пятисотый юбилейный спектакль „Ревизора“. Займемся мельком арифметикой. В те-

чение семидесяти с лишним лет—со дня первого представления—пятьсот постановок—по семи в год. Около 15 тысяч человек смотрели ежегодно одно из лучших произведений русского искусства—на население в среднем в миллион. Полтора процента. А какой процент жителей Германии слышали музыку Вагнера, или жителей Италии наслаждались искусством Буонаротти?

Роль этих имен велика—грандиозна—в жизни самого искусства. И она значительна—эта роль—в жизни очень небольшого процента человеческих масс—культурной верхушки—острия пирамиды.

Если имена эти даже известны—как говорится—широким человеческим массам, то ведь известны они по слуху, по наслышке, в результате делаемой нами—невольно для себя—рекламы. Но рекламировать искусство—это не значит—делать его доступным. Рекламировать можно и астрономию. И на самом деле: термин — Марс — не менее известен „в широких человеческих массах“, чем имя—Толстой. Но ассоциации этих масс при имени—Толстой едва-ли более ясны, чем ассоциации, вызываемые термином Марс. А вероятно—и менее ясны.

Но для астрономов—в их научном хозяйстве—Марс и все, что с ним связано, не меньшее место занимает, чем в нашем—людей, образующих острие пирамиды—духовном хозяйстве—имя Толстой, и все сопряженные с ним ассоциации.